

© 1992 г.

ПЕТЕРБУРГ — РИМ — БЕРЛИН: ВСТРЕЧА М. И. РОСТОВЦЕВА С НЕМЕЦКИМ АНТИКОВЕДЕНИЕМ *

А по набережной легендарной
Приблизжался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

А. Ахматова

Михаил Иванович Ростовцев много путешествовал. Речь идет не о второстепенной детали биографии, но о моменте, во многих отношениях определяющем для его интеллектуального опыта и направленности его исследований. Как известно, нет биографии великого русского историка, которая соответствовала бы его значимости¹. В частности, все более становится очевидной необходимость более полно и детально изучить годы, прожитые Ростовцевым в России до 1918 г., и его путешествия по основным научным центрам и археологическим памятникам Средиземноморья. Историк, почти 50-летним покинувший свою страну, был в действительности уже широкоизвестным ученым, признанным на европейском уровне, прежде всего в Германии и Италии, обладал культурным кругозором и ярчайшей исследовательской индивидуальностью, которые отчетливо проявляются и в последующих работах. Поездки Ростовцева по Европе и Средиземноморью имели решающее значение во двум основным причинам. Во-первых, они дали возможность того непосредственного знакомства с объектами, памятниками, материалом, в том числе и массовым, с которыми мы столько раз встретимся в его трудах. Во-вторых, они позволили завязать прямые или опосредованные связи, сыгравшие впоследствии столь значительную роль в его научной карьере. Блестящий интеллектуальный портрет, написанный А. Момильяно², и недавний

* Очень полезным для написания этой статьи было мое пребывание в Институте древностей Кельнского университета по приглашению профессора Вернера Эка благодаря научной стипендии, предоставленной мне фондом Александра фон Гумбольдта в августе — октябре 1990 г.

¹ В том, что касается лет, предшествовавших изгнанию, все еще полезен биографический набросок Г. Вернадского «М. И. Ростовцев» (*Seminarium Kondakovianum*. 4. Praga, 1931. P. 239—252), изданный по-немецки Х. Хайненом (*Studien zur Alten Geschichte / Siegfried Lauf er... dargebracht*. Bd II. Roma, 1986. P. 385—394). Теперь он может быть дополнен, см.: *Wes M. A. The Russian Background of the Young Michael Rostovtzeff // Historia*. 1988. 37. P. 207—221; *idem. Michael Rostovtzeff. Historian in Exile. Russian Roots in an American Context (Historia. Einzelschr. Ht 65)*. Stuttgart, 1990.

² M. I. Rostovtzeff // *Momigliano A. Studies in Historiography*. L., 1966. P. 91—104. Главная заслуга Момильяно в том, что он увязал основные проблемы творчества Ростовцева с культурной историей Европы.

историко-культурный очерк Ж. Андро³ сделали очевидным, насколько важно понимание русской культуры рубежа XIX и XX вв. Именно благодаря более адекватному осмыслению импульса, вызванного встречей с Россией, открывавшейся Западу, можно понять доброжелательный прием, оказываемый молодым русским ученым во время их пребывания за границей.

Интерес и симпатия были взаимными. Но здесь следует выделить особо одно решение и одну дату — из-за последствий, которые им суждено было иметь в процессе обновления исследований классической древности в России. Я имею в виду учреждение правительственных стипендий, благодаря которым начиная с 1880 г. определенное число студентов могли воспользоваться археологическими поездками в Италию и Грецию. Недаром инициатор этого важного начинания, Ф. Соколов, был создателем русской эпиграфической школы в Петербурге⁴. В годы учебы Ростовцева в Петербургском университете (1890—1892, после двух лет в Киевском) установление связей с университетской наукой других европейских стран было уже устоявшейся практикой. Некоторые преподаватели были известны и за рубежом: как раз один из учителей Ростовцева, филолог Ф. Зеллинский, к примеру, стал членом-корреспондентом Германского археологического института в Риме⁵.

Немаловажным достоинством некоторых последних работ по после-революционной русской историографии является определение того, каким же образом сталинизм, если уже не установление власти большевиков, привел к насильственному и полному разрыву между научными направлениями, существовавшими до и после 1917 г.⁶ Темы аграрной истории, в том числе и как отражение самых актуальных политических дебатов, живо обсуждались в научном мире, в частности в зарождавшейся византистике и — косвенно — в антиковедении⁷. Наряду с этим имеется и другая область, которая была центральной для Ростовцева и столь же важной в общем контексте науки того времени. Речь идет об археологии, об интересе к находке, изобразительной или документальной, не важно первоклассной или заурядной, что легко объяснимо в стране, знавшей античную цивилизацию лишь в немногих окраинных районах и только побочно и сбивчиво упомянутой в литературных источниках. Отечественная история всегда сопряжена с толикой патриотизма, и это тем более оправданно для России, которая стремилась в культурном отношении открыться Западу. И тот же интерес к эллинизму в сущности объясняется пониманием его роли как передаточного звена от классического мира в самые удаленные регионы. И эллинизм означает в основном удачный сплав культур: в случае Юга России речь шла о встрече скифо-сарматского мира с греко-римским. Как вспоминал и сам Ростовцев, понимание ценности античных находок появилось в России под иноземным

³ Этот очерк предпослан французскому переводу «Social and Economic History of the Roman Empire» (P., 1988. P. 1—XXXIV). Там же (p. 645—675) см. новейшую библиографию работ Ростовцева (ср.: *Welles C. Bradford // Historia*. 1956. 5. P. 358—381 с дополнениями у *Gilliam J. F. // Historia*. 1987. 36. P. 1—8). См. также вступительную статью того же Ж. Андро к французскому переводу «Social and Economic History of the Hellenistic World» (P., 1989. P. 1—XXIX).

⁴ Ср.: *Rascolnikoff M. La recherche soviétique et l'histoire économique et sociale du monde hellénistique et romain*. Strasbourg, 1975. P. 21, и прежде всего: *Фролов Э. Д. Ф. Ф. Соколов и начало историко-филологического направления в русском антиковедении // ВДИ*. 1977. № 1. С. 213—225.

⁵ Как явствует из списка членов (*Römische Mitteilungen*. 1895. 10. S. 12).

⁶ Об античной истории: ср.: *Heinen H. Die Geschichte des Altertums im Spiegel der sowjetischen Forschung*. Darmstadt, 1980. S. 1—18; для историографии в целом существенно важна работа *Venturi F. Il populismo russo*. Torino, 1977. P. VII—CXII.

⁷ См.: *Gorecki D. M. The Slavic Theory in Russian Prerevolutionary Historiography of the Byzantine Farmer Community // Byzantion*. 1986. 56. P. 77—107.

влиянием и восходило к не столь уж давнему времени⁸. В самом деле, изгнанные в результате революционных событий конца XVIII в. с родины французы стояли у истоков первых начинаний — среди которых особенно известны раскопки П. Дюбрюкса на Керченском полуострове. Лишь позднее, с созданием Императорской Археологической Комиссии в 1859 г., за такой самодеятельностью последовали систематические раскопки и исследования. Деятельность Н. П. Кондакова, одного из учителей Ростовцева в Петербурге, введившего его в скифское и греческое искусство, предполагала эту новую организацию археологических исследований⁹. Эпиграфический корпус В. Латышева (*Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*), принесший ему звание члена-корреспондента Берлинской Академии в 1891 г.¹⁰ — прекрасный пример систематичности, с которой стали вестись исследования античности в России¹¹.

Поэтому следует показать широту и разнообразие подходов Ростовцева к археологии его собственной страны, а также то, каким методам прочтения подвергал он всякий документ. Сколь многое из того, что было написано о Юге России, состояло из рассуждений о греческих городах, из комментариев к IV книге Геродота или из исследований отдельных предметов. Сводные работы, в свою очередь, даже лучшие, были лишь плодами эрудиции, противопоставляя скифов и греков с точки зрения привычной для эллиниста, для которого мир местного населения обладал лишь относительной ценностью. Напротив, у Ростовцева подход иной. Он исходит из предположения о единстве регионов Юга России и пересечении в этих краях различных влияний с последующим формированием разнородных цивилизаций; он стремится показать взаимообогащение Юга России и классического мира¹². По этому поводу уместно будет привести процитированный Андро отрывок из мемуаров А. Керенского¹³, в котором тот вспоминает время, когда он слушал лекции Ростовцева: «Профессор Ростовцев, тогда еще очень молодой, прививал нам хорошие знания по римской истории. Он давал нам также впечатляющее описание греческих городов, процветавших на побережье Черного моря до возникновения Руси, древней России. Из его лекций по древнейшей истории Юга России ясно вытекало, что древнерусская демократия вела свое происхождение из очень далекого прошлого и что существовала определенная связь между политической мыслью древнейшей России и античных греческих республик».

Историческое чутье, с которым Ростовцев обращался к археологическим данным, было естественным для него. Вспомним прежде всего, что его дебютом в науке было исследование на соискание магистерской степени по археологической теме — «Помпеи в свете новых раскопок». И первая зарубежная поездка привела такого неутомимого путешественника, каким был Ростовцев, именно в Помпеи: результаты этого посещения нашли отражение в расширенной публикации университетской работы в «Журнале Министерства народного просвещения»¹⁴.

⁸ *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxf., 1922. P. 1—7.

⁹ Ср. *Vernadsky G. Russian Historiography. A History.* / Ed. S. Pushkarev Belmont. Mass. 1978. P. 454—462.

¹⁰ *Die Altertumswissenschaft an der Berliner Akademie* / Hrsg. von Chr. Kirsten. B., 1985. S. 107 f.

¹¹ *Svoboda K. Die klassische Altertumswissenschaft im vorrevolutionären Russland* // *Klio*. 1959. 37. S. 264.

¹² *Iranians...* P. 7—14.

¹³ *Kerensky A. La Russie au tournant de l'histoire*. P., 1967. P. 56—57; *Andreau*. Op. cit. P. LXXXII. Note 170.

¹⁴ ЖМНП. 1894. Янв.-февр. С. 45—101 (№ 1 в библиографии работ Ростовцева, составленной Уэллесом).

Но решающее, длительное время странствий наступило несколько позже, когда предоставленная стипендия, подкрепленная материнской помощью, позволила молодому Ростовцеву в течение трех лет, с 1895 по 1898 г., путешествовать по Средиземноморью и проводить необходимое для учебы и научной работы время в Риме, Вене, Париже и Лондоне. Пожалуй, так и не подчеркнута в достаточной степени важность этого факта биографии для понимания последующего пути духовной эволюции русского историка.

Тесная связь между археологией и историей, которая кажется нам столь естественной и составляет одно из самых ярких достижений ростовцевских шедевров, была еще чуждой германской научной традиции. Г. Бенгтсон показал, как интерпретация эллинизма Й. Кэрстом (третье издание его «Истории эллинизма» появилось примерно одновременно с «Социально-экономической историей Римской империи»), отличая от ростовцевской, находит соответствие также и в иной биографии автора¹⁵. Первый просто прожил спокойную и размеренную научную жизнь, типичную для немецкого ученого: приехав в Вюрцбург в 1903 г. в качестве преемника У. Вилькена, он оставался там до конца жизни, ни разу не посетив Грецию или Италию. И не случайно в его интерпретации определяющим остается духовный элемент, а новые достижения эпиграфики и папирологии при всей их важности оказываются как бы в стороне.

Как указывалось, путешествия не только помогали Ростовцеву оттачивать способность улавливать биение конкретной жизни через античные находки, но и предоставляли несравненные возможности знакомств с некоторыми лучшими европейскими специалистами в этой области знаний. В частности, в Германском археологическом институте в Риме Ростовцев подружился с Христианом Хюльзенем, археологом и эпиграфистом, учеником Моммзена, исследователем топографии античного и средневекового Рима, который свыше двадцати лет, с 1897 по 1908 г., был вторым секретарем Института, пока неудавшееся повышение не привело к его преждевременной отставке¹⁶. Нетрудно представить себе, насколько личностно этого ученого, «итальянизированного» как в стиле жизни, так и в типе научного творчества (Дж. Паскуали посвящал этому «усыновленному» флорентийцу страничку, проникнутую человеческой симпатией)¹⁷, оказалась конгенальной русскому, который был на 12 лет моложе. Хюльзен стал для Ростовцева постоянной точкой отсчета. На него он ориентировался, к нему обращался с просьбами об информации, спрашивал о его мнении и просил об услугах для себя или для своих коллег в Петербурге или в любом другом месте, где бы он ни находился во время своих странствий¹⁸. Именно благодаря пребыванию в Риме Ростовцеву удалось через личное или заочное знакомство снискать уважение Виламовица, Хиршфельда (который послал ему корректуру своих «Императорских чиновников», не зная его лично!)¹⁹ и, в особенности, Вилькена.

Сближение Ростовцева с немецким культурным миром в действительности вписывалось в общепринятую практику. Классические штудии в России зародились и развивались в обстановке тесной зависимости от

¹⁵ *Bengtson H. Der Hellenismus in alter und neuer Sicht: von Kaerst zu Rostovtzeff // HZ. 1958. 185. S. 88—95.*

¹⁶ *Wickert L. Beiträge zur Geschichte des Deutschen archäologischen Instituts, 1879—1929. Mainz, 1979. S. 59—75.*

¹⁷ *Pascuali G. Ricordo di Christian Hülsen // Terze pagine stravaganti. 2 ed. Firenze, 1968. P. 230—235 (первоначально напечатано: Pan. 1935. 3. P. 437—441).*

¹⁸ *Marcone A. Michele Rostovtzeff e l'Istituto Archeologico Germanico di Roma: la corrispondenza con Christian Hülsen (1894—1927) // Critica Storica. 1988. 25. P. 339—350.*

¹⁹ *Вернадский. Ук. соч. (с. 389 немецкого перевода Х. Хайнена, см. прим. 1).*

Германии. В Петербурге начиная с 1869 г. греческий язык преподавал филолог такого масштаба, как А. Наук, примерно в те же годы профессором латыни стал Л. Мюллер²⁰. Подобное же положение сложилось и в древней истории: русские преподаватели, как правило, получали образование в Германии²¹. Достаточно одного примера: П. Виноградов, учившийся в Берлине у Моммзена, прежде чем стать в 1903 г. профессором в Оксфорде, преподавал всеобщую историю в Москве с 1884 г., на той же кафедре, которую прежде занимал гегельянец Т. Грановский. Считалось нормальным, к примеру, что он порекомендовал бывшему учителю молодого подающего надежды В. Иванова, для которого пятилетнее учение в Берлине должно было стать подготовкой к получению кафедры на родине²². Исключения были редкостью; и все же показательны фигуры М. Куторги, получившего французское образование, а в следующем поколении — ученика Фюстель де Кулажа И. Гревса, труды которого по римской аграрной истории заслуживают упоминания²³.

Вплоть до момента приезда в Англию и затем в США Ростовцев пользовался, как правило, двумя языками научного общения. Кроме русского («*rossica non leguntur*» — сказано им в примечании к «Социально-экономической истории Римской империи»), он использовал обычно немецкий — с очевидным и немалым выигрышем для своей репутации на международном уровне. Речь шла не просто о двух разных вариантах одного и того же текста, поскольку часто решающую роль играло место издания: в случае с неспециальными журналами смешанного содержания и вообще более ориентированными на вопросы, оживленно обсуждавшиеся в политической полемике (как «Русская мысль», «Современный мир», «Русское богатство»), определяющей становилась «популяризаторская» задача²⁴. Это и в самом деле отвечало характерной потребности русской культурной жизни на рубеже веков. Если даже ограничиться древним миром, то быстрота, с которой были переведены (например, в области классических исследований) V том «Римской истории» Т. Моммзена, изданный в трех книгах между 1885 и 1888 гг., первые два тома «Греческой истории» К. Белоха между 1897 и 1899 гг. и «Экономическое развитие древнего мира» Эд. Майера в 1898 г., — показательны с точки зрения усилий, прилагавшихся в России для распространения европейской научной культуры²⁵. И сам Ростовцев оказался вовлеченным в эту деятельность: в 1899 г. вместе со своим учителем Ф. Зелинским он курировал

²⁰ Sandys J. E. A History of Classical Scholarship. V. III. Cambr., 1908. P. 149, 189, 389.

²¹ Присутствие русских студентов в германских университетах было значительным с 60-х годов XIX в., в особенности в Гейдельберге (см. статью В. Моммзена, указанную в прим. 53).

²² Polverini L. Di una traduzione russa della «Griechische Geschichte» del Beloch // Critica Storica. 1979. 16. P. 521—544 (речь идет об очень хорошо документированной статье по исследованиям классической древности в России на рубеже XIX и XX вв.). Пользуясь случаем, чтобы поблагодарить Л. Польверини за ряд дружеских замечаний.

²³ Raskolnikoff. Op. cit. P. 18—21. И тот и другой вскоре оказались забытыми.

²⁴ Andreatu J. M. Rostovtzeff et le «capitalisme antique» vu de Russie // Pallas. 1987. 33. P. 19—40; Marcone A. Rostovtzeff e il colonato romano // Critica Storica. 1989. 26. P. 75—114.

²⁵ Дополнительную информацию см.: Polverini. Op. cit. С точки зрения собственно литературной интересно то, как в России рецензировали Ницше, в чем значительную роль сыграл и учитель Ростовцева Ф. Зелинский (см.: Nietzsche in Russia / Ed. Rosenthal V. G. Princeton, 1986). Дореволюционный Петербург также и в этом отношении представлял собой интереснейшую лабораторию, важнейший центр, где обеспечивалось и осуществлялось прогрессивное развитие экономической и общественной жизни России начала XX в. (см.: Schlögel K. Jenseits des Grossen Oktober. Das Laboratorium der Moderne Petersburg (1900—1921). В., 1988; я благодарен моему другу Э. Паку за то, что он указал мне на эту книгу, а также и за другие ценные замечания).

русский перевод второго издания «Очерка римской истории и источниковедения» Б. Низе²⁶.

Однако жизненный и духовный путь Ростовцева отличало то, что он вошел в соприкосновение с немецкой культурой при помощи научных направлений, развивавшихся за пределами Германии, хотя, возможно, это и было вызвано случайным стечением обстоятельств. Подобно тому как — по удачному выражению А. Момильяно — совсем не одно и то же смотреть на Римскую империю из Рима или из провинции, так же и немецкое антиковедение должно было восприниматься по-разному в зависимости от того, приходилось ли знакомиться с ним в Берлине или в одном из зарубежных «филиалов», т. е. не испытывая там на себе прямого моммзеновского влияния.

Ростовцев был столь же удачлив в привязанностях, завязавшихся в Риме, как и в тех, что зародились вдали от итальянской столицы. Уже в 1895 г. во время поездки стипендиатом по Греции он нашел возможность подружиться со своим ровесником — Гаэтано де Санктисом²⁷. Следующей зимой в Вене он работал с учеником Моммзена Э. Борманом, который превратил местный семинар археологии и эпиграфики в один из главных центров изучения греко-латинских надписей. В последующие два года, занимаясь исследованием свицтовых тессер в Кабинете медалей в Париже и в Отделении нумизматики Британского музея, Ростовцев завязал дружбу с М. Пру, Э. Бабелом и с папирологом Б. Гренфеллом. Очевидно, что эти три года путешествий, изысканий и встреч сделали Ростовцева ученым европейского уровня, создав предпосылки его дальнейшей карьеры.

Здесь не место останавливаться подробно на публикациях этого периода его деятельности, многие из которых вышли по-русски и были посвящены весьма разным темам. Следует все же еще раз отметить, что интерес Ростовцева к документу, археологической или эпиграфической находке, даже незначительной, всегда предполагал создание широкой исторической перспективы, которая придавала бы им особое значение. А если что и поражает в этих юношеских работах, то это как раз смелость и непредвзятость изложения, уверенность (чтобы не сказать — безапелляционность), с которой сравнения становятся доказательствами, а доказательства — доводами в подтверждение тезиса. Как известно, первая крупная монография Ростовцева «История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)» выросла из его докторской диссертации и вышла сначала по-русски в Петербурге в 1899 г., а затем в немецком переводе в 1902 г. Эта работа действительно восходит ко времени пребывания автора несколькими годами ранее в Вене у Бормана, которому книга посвящена не случайно. Непрерывное открытие новых эпиграфических текстов, толкованию которых посвящались занятия в венском семинаре, должно было увлечь молодого Ростовцева. Документ, сколь бы он ни был мал, занимает центральное место в любом общем построении. В числе характерных черт, которые обнаруживаются и у зрелого Ростовцева, — его слабая восприимчивость к любой проблематике теоретического характера и отсутствие склонности (если не сказать — неспособность) сформулировать собственные методологические принципы²⁸. Хюльзен, как и Борман и Вилькен, принадлежали к типу ученых, которые занимались по сути дела обработкой документов, что соответствовало и интересам русского историка.

²⁶ Немецкое издание появилось в Монако в 1897 г.

²⁷ *De Sanctis G. Ricordi della mia vita*. Firenze, 1970. P. 74—75.

²⁸ На определенном этапе своей жизни и сам Ростовцев, должно быть, стал отдавать себе в этом отчет: в предисловии к «Социально-экономической истории Римской империи» он объяснил это особенностями «славянского ума».

Техническое мастерство, приобретенное в общении с немецкими специалистами, поверялось индивидуальным подходом. Посмотрим, как в случае с «Историей государственного откупа» этому исследованию предшествовала краткая дискуссия по поводу надписи, изученной Ростовцевым как раз во время пребывания в Вене²⁹. Эта надпись, происходящая из Галикарнасса, касается откупа портовых пошлин в провинции Азия. В этом исследовании, зародившемся в рамках эпиграфического семинара в Вене, уже содержалась одна из ключевых идей, воспроизведенная затем в расширенном виде в больших работах, — это идея преемственности экономических структур эллинистического Египта и Римской империи. Еще в 1896 г. Ростовцев опубликовал в короткой заметке свинцовую тессеру, найденную им в Риме³⁰, что и навело его на мысль о систематическом изучении тессер — другую излюбленную тему его молодых лет. Тессеры увлекли Ростовцева почти на десять лет. Первая серия публикаций связана еще с занятиями в Париже³¹, вторая, в 1903 г. — с докторской диссертацией в Петербурге³². Немецкий перевод, не без особой значительности посвященный римским друзьям (или же немецким друзьям, знакомым по Германскому археологическому институту в Риме — В. Амелунгу, Х. Грэвену, Э. Корнеманну, Ф. Мюнцеру, М. Сибургу, Й. Зивекингу, Р. Вюншу, сверх того следует упомянуть теплую благодарность О. Хиршфельду) носит амбициозный подзаголовок «К социально-экономической истории Римской империи»³³. Но сколь бы амбициозным он ни казался, это в действительности соответствует провозглашаемой Ростовцевым решительной воле оживить с помощью документа даже малоизвестные реалии античного мира в его целостности и сложности. И сюжет с тессерами также представляет собой оригинальное достижение по сравнению с немецким влиянием: это исследование, по крайней мере в окончательном виде, созвучно работе У. Вилькена над остраконами, нашедшей свое завершение в издании 1899 г.³⁴

Важно отметить рост известности Ростовцева в Германии уже на этом этапе его карьеры. Почти одновременно начинается его участие в работе над двумя огромными энциклопедическими словарями, посвященными древнему миру («Реальная энциклопедия Паули — Виссова» и эпиграфический словарь Де Руджеро)³⁵. Параллельное сотрудничество в обоих

²⁹ *Rostowzew M. Eine neue Inschrift aus Halikarnass // Archäologisch-epigraphische Mitteilungen. 1896. 10. S. 127—141.*

³⁰ *Idem. Anaboficum // Römische Mitteilungen. 1896. 11. S. 317—321.*

³¹ *Rostortzoff M. I., Prou M. Catalogue des plombs de l'Antiquité, du Moyen Age et des Temps modernes. P., 1900; idem. Etudes sur les plombs antiques; catalogue des plombs de l'Antiquité // Revue Numismatique. Série 4. 1897. 1. P. 462—493; 1898. 2. P. 77—102, 251—286, 457—477; 1899. 3. P. 22—61, 199—219, 278—337, 417—460; 1900. 4. P. 52—73, 152—185, 313—354.*

³² *Ростовцев М. И. Римские свинцовые тессеры. СПб., 1903 (Записки Истор.-филол. фак-та Петербургского ун-та. Ч. LXVII); Tesserarum urbis Romae et suburbii plumbearum sylloge / Ed. M. Rostowzew. S.-Petersburg, 1903 (= Lpz, 1975). Знаменательно посвящение Ф. Зелинскому: magistro et amico.*

³³ *Idem. Römische Bleitesserae: ein Beitrag zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der römischen Kaiserzeit. B., 1905 (Klio. Beiheft III).*

³⁴ *Wilcken U. Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien. Bd I—II. Lpz — B., 1899; ср. Momigliano. Op. cit. P. 95.*

³⁵ Для энциклопедии Паули — Виссова им написаны статьи: Congiarium (RE. Bd 4. 1901. Sp. 875—880), Ab epistulis (Bd 6. 1907. Sp. 210—215), Fiscus (Bd 6. 1909. Sp. 2385—2405), Frumentum (Bd 7. 1912. Sp. 126—187); для эпиграфического словаря статьи: Conductor (V. 2. 1900. P. 578—597), Fiscus (V. 3. 1922. P. 96—139). Несмотря на заинтересованность друзей и коллег, которым я тем не менее благодарен, мне не удалось обнаружить архивных материалов относительно работы Ростовцева над статьями для эпиграфического словаря; о том, как Де Руджеро организовывал работу над своим эпиграфическим словарем, см.: *De Sanctis G. Scritti Minori. Roma, 1972. V. 6.1. P. 229—233; Elefante M. Ettore De Ruggiero // La cultura classica a Napoli nell'Otto-*

предприятиях, достаточно близких по своим задачам и общим подходам, свидетельствует о важности римского окружения — немецкого или во всяком случае испытывавшего немецкое воздействие — для известности Ростовцева. Избранный членом-корреспондентом Императорского Германского археологического института 9 декабря 1898 г. в связи с так называемым «днем Винкельмана», он торопится написать первому секретарю Института Е. Петерсену, чтобы выразить тому свою признательность за то, что он получил от посещений его учреждения: «Тем более я теперь рад быть причисленным фактически и юридически к тому учреждению, к которому уже давно принадлежу внутренне»³⁶. Римский институт был также местом, где черпалась достоверная информация по острым вопросам. Когда разразился серьезный спор из-за Международного конгресса исторических наук и позиции Э. Пайса, считавшейся слишком прогрессивной, Ростовцев, который хотел бы принять участие в конгрессе, предусмотрительно просит Хюльзена разъяснить позицию, занятую по существу вопроса немецкими коллегами³⁷.

В решающей степени такой его репутации способствовал У. Виламовиц, должно быть, очарованный той уверенностью, с которой Ростовцев использовал папирологические открытия для своих историко-экономических реконструкций. Намек, содержащийся в «Воспоминаниях», в котором видится переосмысление тех восторгов, показателей³⁸. С Ростовцевым мы встречаемся и в паре писем, отправленных Виламовицем руководителю министерства народного образования Ф. Альтхофу: в одном из них, от 3 декабря 1901 г., содержащем рекомендацию для назначения К. Ф. Лемана профессором, среди прочих заслуг последнего отмечается издание журнала «Клио» — «молодой русский, Ростовцев, которого я считаю первоклассным исследователем, без него (т. е. без журнала) не писал бы ни по-немецки, ни в сколько-нибудь доступном месте»³⁹. Все к тому же Ростовцеву относится, по всей вероятности, указание в письме следующего года на мнение одного из «лучших петербургских ученых» по вопросу об Археологическом конгрессе в Афинах (намеченном на 1905 г.) и Историческом конгрессе в Берлине (1908 г.)⁴⁰. Чувствуется, что на молодого русского ученого он делал серьезную ставку, как можно заключить из постскриптума письма к Г. Виссова от 1905 г.: «Эллинистическое и римское управление могло бы принести славу Ростовцеву в Петербурге, причем достаточно много — по крайней мере аграрные и торговые отношения и т. п. Я считаю его настоящим талантом»⁴¹. Не удивительно на основе этих предпосылок, что Виламовиц, избранный 1 декабря 1907 г. членом-корреспондентом Императорской Академии наук в Петербурге,

cento. Napoli, 1987. P. 727—754. Не забудем, что с 1930 по 1936 г. Ростовцев работал над серией статей для Итальянской энциклопедии (*Cagnetta M. Antichità classica nell'Enciclopedia Italiana. Bari, 1990. P. 102*).

³⁶ Письмо было отправлено из Петербурга 6 декабря 1898 г. См.: *Marcone. Michele Rostovtzeff. P. 343*.

³⁷ *Ibid.* P. 345 (письмо, отправленное из Петербурга 1 января 1903 г.). О полемике вокруг Римского конгресса (II Международный конгресс исторических наук), который проходил в Риме 1—9 апреля 1903 г. под председательством П. Виллари, см.: *Erdmann K. D. Die Ökumene der Historiker. Geschichte der Internationalen Historikerkongressen und des Comité International des Sciences historiques. Göttingen, 1987. S. 38—63*.

³⁸ *Wilamowitz-Moellendorf U. von. Erinnerungen 1848—1914. Lpz, 1929. S. 233. Anm. 1.*

³⁹ *Berufungspolitik innerhalb der Altertumswissenschaft im Wilhelmischen Preussen. Die Briefe Ulrich von Wilamowitz-Moellendorfs an Friedrich Althoff (1883—1908) / Hrsg. von W. M. Calder III, Košennina A. Frankfurt am Main, 1989. S. 148 (Brief № 75).*

⁴⁰ *Ibid.* S. 155 (Brief № 79).

⁴¹ *Bertolini F. Wilamowitz a Wissowa e Praechter // Quaderni di Storia 1978. 7. P. 195.*

поспешил с помощью специального письма Эд. Майеру⁴² сделать так, чтобы Ростовцеву был поручен на Берлинском конгрессе доклад о римском колонате⁴³. Выбор темы показателен, так как предвосхищает в некотором смысле обобщающие труды последующих лет. Следовательно, Ростовцев уже считался специалистом, хотя к этому времени написал на эту тему лишь одну статью, амбициозную по названию — «Происхождение колоната» — и тем более по содержанию, где пытался показать на основе интерпретации одной селевкидской надписи эллинистическое происхождение колоната⁴⁴. Большие обобщения придут потом, беря начало отчасти как раз в выступлении на Берлинском конгрессе: статья «Колонат»⁴⁵ и «Исследования по истории римского колоната» датированы 1910 г.⁴⁶

Известности Ростовцева в Германии в начале XX в. немало должны были способствовать также и его рецензии на важнейшие немецкие книги, увидевшие свет в эти годы. В некоторых случаях это были подлинно научные статьи, впечатляющие своей смелостью и авторитетностью, с которой они написаны. Уверенный тон Ростовцева, в котором прекрасно отражается его индивидуальность, сам по себе свидетельствует о том, насколько он осознавал собственную значимость.

Небесполезно будет привести некоторые примеры. Для той самой монографии своего друга Вилькена об остраконах Ростовцев не постыжился на критические замечания, хотя и наряду с общими хорошими оценками. В своей рецензии⁴⁷ он замечает между прочим, что существовавшая при империи смешанная система взимания налогов, при которой чиновникам доставались прямые налоги, а откупщикам — косвенные, не может быть приписана проведению единовременной реформы. В противоположность Вилькену Ростовцев утверждает, что такое изменение не может быть объяснено иначе как генетически, как результат эволюции от системы откупов к системе сборщиков налогов.

В том же году Ростовцев опубликовал суровую рецензию на книгу В. Либенама о городском управлении в Римской империи⁴⁸. Она чрезвычайно показательна в своей краткости. Ростовцев заявляет, что приступать к такой теме — это значит изучить развитие полисных конституций независимой Греции, их модификацию в эллинистических монархиях и дальнейшую трансформацию под властью Рима. Так как Римская империя в целом усвоила эллинистическое наследие и на Востоке завершила процесс, уже начавшийся при эллинизме, невозможно продвинуть-

⁴² Akad. der Wiss. der DDR. Archiv. Sign. NL Meyer № 307 (письмо Вилановица Майеру от 10 июля 1907 г.): «Ростовцев, что-нибудь по истории колоната». См. прим. 6 в статье, цитируемой в следующем примечании.

⁴³ Calder III. W. M. The Letters of Ulrich von Wilamowitz-Moellendorf to Michael I. Rostovtzev // Philologus. 1990. 134. Я благодарен профессору Кальдеру за то, что он прислал мне машинописный вариант.

⁴⁴ Ростовцев М. И. Происхождение колоната // ФО. 1900. XIX. С. 105—109; *idem*. Der Ursprung des Colonats // Klio. 1901. I. S. 295—299. Эта статья встретила благодарственный прием: *De Sanctis*. Scritti Minori. P. 161. Как мы видели, для Вилановица одной из заслуг Лемана было то, что тот предоставил Ростовцеву подходящее место для публикаций.

⁴⁵ См. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Bd. V. Jena, 1910. S. 913—921.

⁴⁶ Rostowzew M. I. Studien zur Geschichte des römischen Colonates. Lpz, 1910 (Archiv für Papyrusforschung. Beiheft 1). Облегченный русский вариант этой работы вышел на следующий год в двух номерах журнала «Современный мир» (1911. Янв. С. 260—280; 1911. Февр. С. 143—159). См. Marcone. Rostovtzeff e il colonato. P. 75—114.

⁴⁷ Wochenschrift für klassische Philologie. B., 1900. Bd 17. № 5. (31. I. 1900). Sp. 113—125.

⁴⁸ Rostowzew M. I. Rec.: Liebenam W. Die Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche. Iena, 1900 // Deutsche Literaturzeitung. 1900. 21. № 45 (3.XI.1900). Sp. 2920—2923. Впоследствии мнение Ростовцева об этой книге изменилось.

ся ни на шаг в изучении городского управления, не имея полного и точного представления о всей этой эволюции; и кроме того, нужно учитывать отдельные линии развития в различных географических областях. Поскольку же книга Либенама, напротив, преимущественно описательная, — это подборка материала без географического и хронологического распределения, она оказывается бесполезной в качестве основы для дальнейших исследований.

Впоследствии Ростовцев посвятил углубленную рецензию важной книге В. Отто «Жрецы и храмы в эллинистическом Египте»⁴⁹. И в этом случае он рассматривает проблему с позиций эволюции, полагая, что речь идет не только об определении ясных очертаний жреческой организации в греко-римском Египте, но также и об описании древнейшего египетского жречества и его модификациях в период иноземного владычества. Ростовцев заявляет о своей неудовлетворенности книгой Отто, так как считает того не историком, а антикваром — в том смысле, что тот не занимается изучением эволюции. Действительно, в книге не рассмотрены ни хронологический, ни географический контексты документов, отчего исследование оказывается лишенным какого-либо дифференцирующего критерия. Лапидарный вывод длинной рецензии, представляющей на самом деле настоящий самостоятельный вклад в изучение проблемы («Лучше по-исторически заблуждаться, чем по-антикварски оплошлять!»), может рассматриваться как сжатая формула того, как Ростовцев в действительности осмысливал собственные труды.

Однако если связи Ростовцева с германскими антиковедами представляются нам столь оживленными и значительными, его отношения с Максом Вебером заслуживают отдельного разговора. Конечно же не случайно в таких своих трудах, написанных с широким дыханием, как работы о колонате, где этот институт включен в определенных масштабах в историю аграрную, а для той в свою очередь предполагается наличие более общего историко-экономического контекста, где вступают в игру достаточно разнородные факторы, как, например, фискальные интересы государства, Ростовцев обратился к новаторской работе Вебера по аграрным отношениям в древности⁵⁰. Однако общей для обоих широты кругозора и близости тем исследования самих по себе недостаточно для того, чтобы можно было говорить о взаимовлияниях в собственном смысле слова. Ростовцев, хотя и выказывал внимание и уважение к Веберу, как известно, придерживался представлений об экономическом развитии античного мира, которые весьма сильно расходились с идеями немецкого социолога. Эти представления с полным на то основанием сводятся к так называемым «модернистским» позициям; однако по натуре своей мало склонный к концептуальной ясности, Ростовцев, конечно, должен был находить теоретические достоинства веберовских сочинений мало созвучными своим собственным⁵¹. И все же надо учитывать особенности момента интеллек-

⁴⁹ *Idem.* Rec.: Otto W. Priester und Tempel im hellenistischen Aegypten. Bd I—II. Lpz — B., 1905—1908 // Göttingische Gelehrte Anzeiger. 1909. 171. P. 603—642.

⁵⁰ Окончательная редакция этой работы для «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» относится к 1909 г. (переизд.: Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Social- und Wirtschaftsgeschichte. Tübingen, 1924. S. 35 f., а две предыдущие редакции датированы 1897 и 1898 гг. О роли М. Вебера в антиковедении см.: Deininger J. M. Weber. Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- und Privatrecht // Max Weber Gesamtausgabe. Abt. I.: Schriften und Reden. Bd 2. Tübingen, 1986. S. 1—54; Capogrossi Colognesi L. Economia antica e capitalismo moderno. La sfida di Max Weber. Bari, 1990.

⁵¹ Это явствует, к примеру, из рецензии Ростовцева на книгу Й. Хазебрэка (Hasebroek J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. 1931 // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1932. 92. P. 332—339), где Вебер оценивается прежде всего как философ и теоретик (см. Marcone A. // Atheneum. 1987. 65. P. 541—542; Pack E. // Ibid. P. 542—547).

туального всплеска, охватившего Россию в начале XX в., да и то, насколько живым был, несмотря на все различия, интерес к немецкой культуре и наоборот. Рассмотренный нами феномен Ростовцева может быть лучше понят, если включить его в надлежащий контекст. В качестве примера мне представляется заслуживающим внимания тот факт, что П. Струве (политический мыслитель, возможное влияние которого на Ростовцева мы сейчас стремимся лучше понять) в начале собственного исследования по российскому сельскому хозяйству рассматривал положение крепостных в России в тех же понятиях, которыми описано функционирование рабства в римской экономике в статье Эд. Майера «Рабство в древности» (1898 г.)⁵². Наряду с этим имеется сообщение, хотя и менее любопытное, что Вебер, глубоко интересовавшийся политической ситуацией в России, как явствует из его работ, задумал опубликовать в 1911 г. статью по этике Льва Толстого в качестве исходного пункта комплексного исследования об этом писателе⁵³.

Признание Ростовцева в Германии было освящено избранием его членом-корреспондентом Берлинской Академии в апреле 1914 г.⁵⁴ Выдвижение, подписанное, кроме Эд. Майера, Виламовицем, Дильсом, Лешке, Хиршфельдом и Дресселем, упоминает среди важнейших его публикаций исследования об иранском влиянии на культуру Юга России. Заслуживает быть отмеченным в связи с нашей темой то, что Ростовцев был охарактеризован ими как «получивший подготовку не только в России, но как минимум в такой же степени в германских университетах и в непрерывном теснейшем контакте с немецкой наукой»⁵⁵. Любопытно, что неоспоримый факт связи Ростовцева с немецкой наукой был подан так, будто бы он обучался в немецких университетах, чего в действительности не было.

К этому же времени относится предложение Виламовица и Эд. Майера Ростовцеву написать социально-экономическую историю эллинистического мира и Римской империи⁵⁶. События, которые привели к изданию первой из них в 1926 г. в Оксфорде на английском языке, принадлежат другой главе истории европейской культуры XX в. А не имевшая успеха попытка пригласить Ростовцева в Германию в 1931 г. в качестве преемника Вилькена на кафедре в Берлине представляет собой все же лишь дополнительную деталь уже свершившейся истории⁵⁷. Тем временем начинался «Настоящий Двадцатый Век»^{*}.

А. Марконе

⁵² Pipes R. Struve, Liberal of the Left. Cambr. Mass., 1980. P. 203.

⁵³ Mommsen W. Max Weber. Zur Russischen Revolution von 1905 // Max Weber Gesamtausgabe, Abt. I.: Schriften und Reden. Bd 10. Tübingen, 1989. S. 24. Речь идет о статьях: Weber M. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland // ASS. 1906. 22. Beilage zu Ht 1. S. 234—353; *idem*. Russland. Übergang zum Scheinkonstitutionalismus // ASS. 1906. 23. Beilage zu Ht 1. S. 165—401 (обе статьи воспроизведены в выше цитированном собрании сочинений на с. 86—279 и 293—684 соответственно).

⁵⁴ Gavrilov A. K. Drei Briefe von Wilamowitz-Moellendorf an M. I. Rostovtzev aus dem Jahre 1914 // Philologus. 1990. 134. Эти письма, между прочим, интересны и тем, что позволяют судить о впечатлении, произведенном в Германии работой Ростовцева о декоративной живописи на Юге России, вышедшей двумя томами в Петербурге 1913—1914 гг.

⁵⁵ Die Altertumswissenschaft an der Berliner Akademie. S. 158—159.

⁵⁶ Andraeu J. Introduction // Rostovtzeff M. I. Histoire économique et sociale du monde hellénistique. P. I.

⁵⁷ Solmsen F. Classical Scholarship in Berlin between the Wars // GR&BS. 1989. 30. P. 139. № 13.

* Статья переведена Е. В. Ляпустиной.

A. Marcone

The article contains the story of the contacts of M. I. Rostovtzeff with the German «*Altertumswissenschaft*» before his departure from Russia in 1918.

The author stresses the importance of Rostovtzeff's scientific travels to the archaeological sites of the Mediterranean area as well as to the European scientific centres for the shaping of his intellectual and cultural individuality. He also emphasizes the significance of private meetings and acquaintances of the Russian historian with the well-known specialists in the field, and most of all with the German scholars (Chr. Hülsen, U. Wilcken, U. Wilamowitz-Moellendorf, O. Hirschfeld e. a.).

The articles, books and reviews written by Rostovtzeff at that time brought into light all the advantages of this talented scientist which let him win the international respect already before his departure from Russia.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИН